

ЗАПАДНОЕ ЗЕМСТВО

Мысль о введении земства в западных губерниях зародилась у Столыпина еще в бытность его Предводителем Дворянства в Ковенской губернии. Узнав и полюбив этот край, Столыпин чувствовал, как сильно препятствовало его культурному росту отсутствие земских представительных учреждений, но русские государственные интересы не допускали их введения в губернии, в которой большинство крупных землевладельцев принадлежало инородцам. Благодаря энергии и личному авторитету Столыпина, ему удалось, в бытность его Предводителем Дворянства, создать "Ковенское Общество Сельского Хозяйства" и в нем, на почве общности сельско-хозяйственных интересов, объединить для общей работы русских, поляков и литовцев. В трех юго-западных и трех белорусских губерниях русское землевладение было более крепким и Столыпин, сделавшись Министром Внутренних Дел, успел поднять вопрос о земстве в Западном Крае.

В 1909 году Правительство признало существовавший закон о выборах в Государственный Совет от девяти губерний западного края (Ви-

ленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской) неудовлетворительным и неправильным, так как несмотря на значительное преобладание русского землевладения в крае, в его совокупности, представителями от всех губерний прошли поляки, тогда как польское население края составляло всего четыре процента и вследствие этого избранные представители не являлись представителями интересов всего его населения, а лишь интересов высшего наносного слоя. Самым правильным выводом из создавшегося положения Правительство считало распространение земства на эти 9 губерний. Но на это требовалось время. Вследствие этого Правительство внесло законопроект о продлении полномочий уже выбранных членов Государственного Совета на один год. Этим промежутком времени Правительство предполагало воспользоваться для разработки и внесения проекта о западном земстве. Мера такого продления полномочий явилась бы не только целесообразной, но и вполне законной, имевшей много прецедентов как в нашей, так и западноевропейской практике. В своей речи по этому вопросу Петр Аркадьевич заявил, что положение Правительства крайне облегчалось тем, что Государственная Дума сама высказала пожелание о введении западного земства. Он добавил, что соответствующий законопроект будет внесен на рассмотрение осенней сессии.

Государственная Дума приняла проект Правительства съ вариантомъ, замѣнившимъ продленіе полномочій членовъ Государственнаго Совѣта на одинъ годъ годичнымъ избраніемъ новыхъ членовъ.

6-го октября 1909 года, открывая сессію Совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, Петръ Аркадьевичъ изложилъ правительственный законопроектъ о введеніи земства въ девяти западныхъ губерніяхъ.

Согласно проекту крупные города (Минскъ, Вильну, Кіевъ) подлежало выдѣлить въ особія земскія единицы, по примѣру городовъ центральной Россіи. Въ проектѣ не сочли возможнымъ основаться всецѣло на земскомъ положеніи 90-го года, ввиду того, что послѣднее даетъ преобладаніе дворянскому сословію. Таковое же въ западномъ краѣ состояло преимущественно изъ поляковъ. Поэтому въ законопроектѣ былъ проведенъ принципъ безсословности.

Разноплеменная населенія являлась главнымъ камнемъ преткновенія законопроекта: хотя земскія учрежденія и суть учрежденія не политическія, а хозяйственныя и для правильнаго ихъ дѣйствія нужно участіе въ нихъ всѣхъ элементовъ края, однако, нельзя придавать имъ опредѣленную племенную окраску. Послѣднее отразилось бы на хозяйственной жизни, на хозяйственныхъ интересахъ края, которые проникаютъ въ народную гущу глубже, чѣмъ даже интересы полити-

ческіе. Поэтому для защиты русскихъ государственныхъ интересовъ, Правительство ввело въ законопроектъ принципъ національныхъ отдѣленій при выборѣ уѣздныхъ гласныхъ и такихъ же отдѣленій въ городскихъ думахъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ при выборѣ гласныхъ губернскихъ. Для опредѣленія числа гласныхъ по національностямъ въ проектѣ предлагалось остановиться на способѣ, отражающемъ дѣйствительное соотношеніе различныхъ группъ населенія, на принятіи въ расчетъ двухъ признаковъ: количественнаго и имущественнаго. Въ мѣстностяхъ же съ весьма слабымъ русскимъ населеніемъ предполагались проектомъ слѣдующія минимальныя требованія. Должны были быть лица русскаго происхожденія: предсѣдатель губернской земской управы, всѣ главнѣйшія должности по найму, не менѣ половины выборныхъ должностей и не менѣ половины мелкихъ служащихъ по найму. Этимъ исчерпывались особенности законопроекта, введеніемъ котораго Правительство предполагало "приблизить хозяйственное положеніе губерній западнаго края къ хозяйственному распорядку, обиходу коренныхъ русскихъ губерній, съ тѣмъ, чтобы дать западному краю реформированное земство, вполнѣдствіи, вмѣстѣ со всей остальной Россіей".

7-го мая 1910 года Петръ Аркадьевичъ защищалъ въ Государственной Думѣ правительственный законопроектъ о введеніи западнаго земства. Онъ оспаривалъ мнѣнія оппозиціи, говорившей, что вся-

кія ограниченія для мѣстнаго элемента было бы введеніе политики въ ту область, которая политикѣ чужда, было бы искусственнымъ раздуваніемъ старинной племенной вражды. Онъ заявилъ, что Правительство, принимая во вниманіе эти доводы, стало все же на иную точку зрѣнія, поставило на первый планъ національную задачу въ Западномъ краѣ, требующую подчиненія земской идеи, идеи государственной. Вѣдь вправѣ ли было бы государство предоставлять самимъ себѣ не окрѣвшія русскія ячейки края въ ихъ состязаніи съ крѣпкими цитаделями польской культуры? Разрѣшеніе вопроса слѣдовало бы искать не въ абстрактной доктринѣ, а въ опытѣ прошлаго и въ области фактовъ. "И вотъ, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, совершенно добросовѣстныя изысканія въ этой области привели Правительство къ необходимости: во-первыхъ, разграничить польскій и русскій элементы во время самого процесса земскихъ выборовъ; во-вторыхъ, установить процентное отношеніе русскихъ и польскихъ гласныхъ, не только фиксировать ихъ имущественное положеніе, но запечатлѣть исторически сложившееся соотношеніе этихъ силъ; въ-третьихъ, учесть въ будущемъ земствѣ историческую роль и значеніе православнаго духовенства и, наконецъ, дать извѣстное отраженіе правамъ русскаго элемента въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ".

Столыпинъ нашелъ цѣлесообразнымъ временно отсрочить введеніе земства въ трехъ губерніяхъ

виленскаго генераль-губернаторства, гдѣ русскій элементъ еще слишкомъ слабъ. "Если не считаясь съ этими условіями, говорилъ П. А., ввести земство въ этихъ трехъ губерніяхъ, то населеніе вынесло бы впечатлѣніе, что край перешелъ въ область тяготѣнія къ Царству Польскому, что Правительство не могло удержать его въ своихъ рукахъ, вслѣдствіе своей матеріальной слабости или отсутствия государственнаго смысла." Въ остальныхъ же 6 губерніяхъ земство слѣдуетъ ввести одновременно, что вполне позволяетъ наличіе въ немъ болѣе прочнаго русскаго элемента.

"Я принужденъ, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, привести вамъ нѣсколько историческихъ сопоставленій, поучительныхъ, по моему взгляду, для предотвращенія отъ повторенія неоднократно уже повторявшихся ошибокъ. Западныя губерніи, какъ вамъ извѣстно, въ 14-омъ столѣтіи представляли изъ себя сильное литовско-русское государство. Въ 18-мъ вѣкѣ край этотъ перешелъ опять подъ власть Россіи, съ опоячаннымъ и перешедшимъ въ католичество высшимъ классомъ населенія и съ низшимъ классомъ, поработаннымъ и угнетеннымъ, но сохранившимъ вмѣстѣ со своимъ духовенствомъ преданность Православію и Россіи. Въ эту эпоху русское государство было властно вводить въ краѣ русскія государственныя начала. Мы видимъ Екатерину Великую, несмотря на всю ея гуманность, водворявшую въ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ, русскихъ должностныхъ лицъ, вво-

дающую общія губернскія учрежденія, отмѣняющую литовскій статутъ и магдебургское право. Ясно стремленіе этой Государыни укрѣпить еще струящіяся въ краѣ русскія теченія, влить въ нихъ новую русскую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску. Но не такъ думали ея преемники... Они считали эту борьбу просто законченной. Справедливость, оказанная высшему польскому классу населенія, должна была сдѣлать эту борьбу бессмысленной, ненужной, должна была привлечь эти верхи населенія въ пользу русской государственной идеи". Опытъ Павла и Александра I-го, приведшій край къ прежнему положенію, былъ чреватъ послѣдствіями. "Но то, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, что въ великодушныхъ помыслахъ названныхъ Государей было актомъ справедливости, на дѣлѣ оказалось политическимъ соблазномъ. Облегчили польской интеллигенціи возможность политической борьбы и думали, что, въ благодарность за это, она отъ этой борьбы откажется". Дѣло и кончилось въ 1831 году первымъ вооруженнымъ возстаніемъ, открывшимъ глаза Правительству.

Императоръ Николай I-й вернулся къ политикѣ Екатерины Великой и мало-по-малу планы Императора начали проходить въ жизнь. Но Императоръ Александръ II-й, по своему великодушію, пошелъ на уступки, поляки были попросту снова сбиты съ толку, начали обращаться со все большими домогательствами и дѣло кончилось вторымъ

вооруженнымъ возстаніемъ. Наконецъ, въ 1905 году въ Польшѣ, въ отвѣтъ на новыя льготы сильно увеличилась вражда къ Россіи. "Вотъ, заявилъ Петръ Аркадьевичъ, тѣ историческіе уроки, которые, я думаю, съ достаточной яркостью указываютъ, что такое Государство, какъ Россія, не можетъ и не въ правѣ безнаказанно отказываться отъ проведенія своей исторической задачи. Я часто вспоминалъ, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, о томъ, что мнѣ приходилось говорить депутатамъ польскимъ, которые являлись ко мнѣ передъ роспускомъ второй Думы... Я говорилъ имъ, что въ политикѣ нѣтъ мести, но есть послѣдствія. Но поляки не были въ силахъ измѣнить свое политическое направленіе, они не могутъ этого сдѣлать, и при выборахъ въ Государственную Думу и Совѣтъ, вездѣ, гдѣ русскіе имъ предлагали соглашеніе, почти вездѣ они это отвергали... Все это, конечно, повліяло и на Правительство, которое въ 1906 году готовило законопроектъ о введеніи земства въ западномъ краѣ на началахъ пропорціональнаго представительства, но намѣреніе это оставило". Поэтому и возникла необходимость оградить многочисленное, но экономически слабое русское населеніе отъ преобладающаго польскаго элемента на время выборовъ, возникла необходимость національныхъ курій. Но кромѣ этого необходимо было преобладаніе русскаго элемента въ земскихъ собраніяхъ. Землевладѣльцамъ полякамъ принадлежали въ краѣ огромныя земельныя пространства и численно подавляющее

русское большинство населения являлось земельно бѣднымъ. Поэтому законопроектъ и предложилъ принять во вниманіе не одинъ имущественный признакъ, но и признакъ національный, предложивъ учесть, такъ сказать, признакъ имущественно-культурный. Далѣе, онъ упомянулъ объ установленномъ проэктомъ минимумѣ русскаго элемента въ земскихъ учрежденіяхъ, безъ наличія котораго большинство должностей по найму попало бы въ руки вліятельныхъ поляковъ.

“Но я бы не хотѣлъ сойти съ этой трибуны, заканчиваетъ Петръ Аркадьевичъ, не подчеркнувши еще разъ, что цѣль правительственнаго законопроекта не въ угнетеніи правъ польскихъ уроженцевъ западнаго края, а въ защитѣ правъ уроженцевъ русскихъ. Законопроектъ даетъ законное представительство всѣмъ слоямъ мѣстнаго населенія, всѣмъ интересамъ; онъ только ставитъ предѣлъ дальнѣйшей многовѣковой, племенной политической борьбѣ, онъ ставитъ этотъ предѣлъ, ограждая властнымъ и рѣшительнымъ словомъ русскія государственныя начала. Подтвержденіе этого принципа здѣсь, въ этомъ залѣ вами, господа, разрушить, можетъ быть, немало иллюзій и надеждъ, но предупредить и немало несчастій и недоразумѣній, запечатлѣвъ открыто и нелицемѣрно, что западный край есть и будетъ край русскій, навсегда, навѣки”.

15-го мая 1910 года Столыпинъ возражалъ въ Государственной Думѣ противъ поправокъ къ за-

конопроекту о западномъ земствѣ, внесенныхъ оппозиціей. Петръ Аркадьевичъ отиѣтилъ, что дѣло идетъ не о Царствѣ Польскомъ, а объ области, въ которой среднее число поляковъ составляетъ 4% населенія. “Если бы Правительство руководствовалось національнымъ шовинизмомъ, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, оно предложило бы вамъ опереться на эти цифры, но вы знаете, что Правительство само, дорожа культурнымъ элементомъ, внесло въ свой законопроектъ принципъ имущественный”.

Защищая, далѣе, особенности законопроекта, Петръ Аркадьевичъ заявилъ, “что частное землевладѣніе образовалось въ краѣ не путемъ естественнаго правильнаго мѣстнаго наростанія, а въ силу историческаго шквала, который налетѣлъ на этотъ край и опрокинулъ въ немъ все русское. Нельзя, продолжалъ Петръ Аркадьевичъ, исключительно, притомъ неблагопріятное для русскихъ, антинациональное историческое явленіе брать за основу, единственную основу всего законопроекта; нельзя забыть все прошлое, нельзя на все махнуть рукой, торжествовала бы только теорія, шаблонъ, одинаковый на всю Россію”.

Прося отклонить всѣ поправки, Петръ Аркадьевичъ заканчиваетъ словами: “Не принять будетъ этотъ законопроектъ, край будетъ долго пребывать въ той экономической дремотѣ, въ которой доселѣ пребываетъ Западная Россія... Не забывайте этого”.

Вокруг одобренного Думой законопроекта разыгралась в Государственном Совете напряженная борьба. В борьбе с Столыпиным против законопроекта, группа крайних правых сплотилась с поляками и частью центра. С речью о законопроекте Петр Аркадьевич выступил в Государственном Совете 1-го февраля 1911 года. Он отметил, что земство имеет полную возможность быть трудоспособным и при наличии введенных в законопроект ограничений, т. е. число полных цензовиков превышает число предполагаемых гласных, а для того, чтобы еще усилить русские курии, Государственная Дума приняла поправку, уменьшающую земский ценз вдвое. Культурный уровень избирателей от этой меры не понизился бы. С одной стороны ценность недвижимого имущества за последнее десятилетие удвоилась, а с другой стороны состав подцензовиков в образовательном отношении является вполне доброкачественным. "И вот, при наличии таких условий, заявил Столыпин, я полагаю, что вводимое земство будет культурно, будет работоспособно и будет государственно". "Возвращаясь к общему вопросу, заключил он, я нахожу, что совершенно недопустимо разногласие с Государственной Думой в вопросе, в котором Дума подняла до высокого понимания русского государственного начала. Я не хочу врать, чтобы русские и польские избиратели могли быть ввергнуты в совершенно ненужную и бесплодную

политическую борьбу, но пусть, господа, не будет этого, пусть из-за боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие прекрасного и богатого края, пусть не будет отложено и затѣм надолго забыто введение в край земского самоуправления. Этого достичь легче, к этому идти. И если это будет достигнуто, то в многострадальную историю русского Запада будет вписана еще одна страница, страница русского поражения. Придавлено, побѣждено будет возрождающееся русское самосознание и на полѣ брани, не силою меча, а на ристалищѣ мысли, гипнозом теорій и силою красивой фразы!"

4-го марта 1911 года, при постановочном обсуждении правительственного законопроекта, сплотившиеся враги послѣдняго обрушились на статью о национальных курияхъ. В отвѣтной рѣчи Петр Аркадьевич назвалъ эту статью "вопросомъ государственной важности, центральнымъ вопросомъ настоящаго законопроекта".

"Правительство понимаетъ, говорилъ онъ, что необходимо въ должной мѣрѣ использовать и густо окрашенную польскую струю, польское течение, но опасно лишь равномерно разлить эту струю на всей поверхности будущихъ земскихъ учреждений. Необходимо преклонять права отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ группъ, къ правамъ цѣлаго".

Гѣшеніе противниковъ справа было заранѣе заготовлено и образование национальныхъ курій было отклонено. Этимъ самымъ крайне правые сѣ

П. Н. Дурново и В. Ф. Треповым во главе, сознательно губили не только западное земство, но и наносили удар лично Столыпину, всей его деятельности и государственной программ. Это была уже не первая их попытка и ввиду сложившейся таким образом обстановки, Петръ Аркадьевич подалъ прошение объ отставкѣ. Такимъ поворотомъ дѣла былъ взволнованъ западный край, вражескія силы начали поднимать голову, русское духовенство въ край подверглось оскорбленіямъ, а въ Финляндіи извѣстіе объ отставкѣ Петра Аркадьевича вызвало въ нѣкоторыхъ кругахъ настоящія ликования. Силы реакціи и революціи торжествовали. Тѣмъ болѣе неожиданно было извѣстіе 11 марта о благополучномъ исходѣ кризиса, о сохраненіи Столыпиннымъ его поста, объ увольненіи членовъ Государственнаго Совѣта Трепова и Дурново, совмѣстная работа съ которыми была признана Петромъ Аркадьевичемъ невозможной. 12-го марта былъ опубликованъ Высочайшій Указъ о перерывѣ, на основаніи 99 статьи Основныхъ Законовъ, занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы на три дня. Этотъ срокъ перерыва давалъ возможность воспользоваться прерогативами Верховной Власти путемъ опубликованія закона западнаго земства, съ поправками къ нему Государ. Думы. Последнее и было сдѣлано на основаніи ст. 87 Основныхъ Законовъ, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату отъ 14-го марта 1911 года.

Уже 1-го апрѣля 1911 года Петръ Аркадьевичъ давалъ объясненія по поводу обращеннаго къ нему запроса Государственнаго Совѣта. Онъ заявилъ, что Государственный Совѣтъ совершилъ юридически неправильный актъ, предъявляя запросъ къ Совѣту Министровъ, учрежденію не подчиненному Правительствующему Сенату, въ которомъ иногда председательствуетъ Государь. Такимъ образомъ, противники законопроекта, продолжая свое дѣло, покушались на прерогативы Верховной Власти. Поэтому, не признавая запросъ, Петръ Аркадьевичъ давалъ лишь объясненія Государственному Совѣту въ дѣлѣ, его касавшемся.

Петръ Аркадьевичъ заявилъ, что вся отвѣтственность за происшедшее лежитъ лично на немъ, какъ на лицѣ, представившемъ на утвержденіе Государя актъ о проведеніи западнаго земства на основаніи ст. 87. Далѣе, онъ доказалъ полную законность принятаго имъ пути. Правительство не можетъ признать, заявилъ онъ, что Государственный Совѣтъ безошибоченъ и что въ немъ не можетъ завязаться мертвый узелъ, который развязанъ въ путяхъ существующихъ законовъ, можетъ быть только сверху". Объясненія Петра Аркадьевича были признаны неудовлетворительными, независимо отъ ихъ существа и это было проведено въ резолюціи Государственнаго Совѣта.

29-го апрѣля 1911 года Столыпинъ отвѣчалъ на аналогичный запросъ Государственной Думы. Отвергая по тѣмъ же мотивамъ законность запроса

и соглашаясь лишь давать разъяснения, касавшиеся Думы (въ порядкѣ ст. 40), Петръ Аркадьевичъ привелъ тѣ же юридическіе аргументы, описавъ ходъ событій и заявилъ далѣе: "Правительство должно было рѣшить, достойно ли продолжать, корректно и мажоранально вертѣть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидѣть свѣта, или же Правительство, которое является выразителемъ и исполнителемъ предначертаній Верховной Власти, имѣетъ право и обязано вести опредѣленную, яркую политику... Второй путь, путь тяжелый и тернистый, на которомъ подъ свистъ насмѣшекъ, подъ гулъ угрозъ, въ концѣ концовъ, все же выходитъ къ найѣченной цѣли. Для лицъ, стоящихъ у власти, нѣтъ, господа, грѣха большаго, чѣмъ малодушное уклоненіе отъ отвѣтственности. Я и признаю открыто: въ томъ, что предложенъ былъ второй путь, второй исходъ, отвѣтственны мы въ томъ, что мы, какъ умѣемъ, какъ понимаемъ, бережемъ будущее нашей Родины и смѣло вбиваемъ гвозди въ вами-же сооруженную постройку будущей Россіи. не стыдящейся быть русской,—отвѣтственны мы, эта отвѣтственность — величайшее счастье моей жизни. И какъ бы вы, господа, не относились къ происшедшему,—а ваше постановленіе, быть можетъ, по весьма сложнымъ политическимъ соображеніямъ, уже предрѣшено, — какъ бы придирчиво вы не судили и не осудили даже формы содѣяннаго, я знаю, я вѣрю, что многіе изъ васъ въ глубинѣ души призна-

ють, что 14-го марта случилось нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства. Патриотическій порывъ Государственной Думы въ дѣлѣ созданія русскаго земства на Западѣ Россіи былъ понятъ, оцѣненъ и согрѣтъ одобреніемъ Верховной Власти".

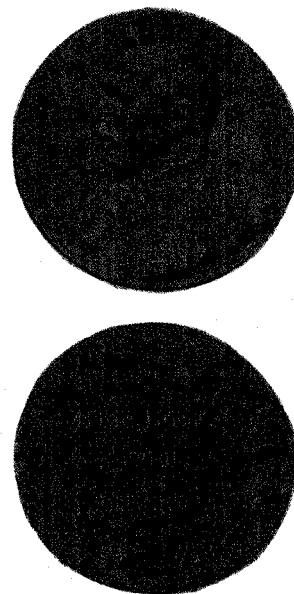
Съ этого времени и до самаго прибытія Государя въ Кіевъ, къ Петру Аркадьевичу поступали благодарственные телеграммы отъ земскихъ избирателей и гласныхъ Западнаго края русскаго и польскаго происхожденія. Все лѣто 1911 года, какъ и всегда, не позволяя себѣ отдыха, проработать Петръ Аркадьевичъ надъ разработкой стоявшихъ на очереди государственныхъ дѣлъ и 25-го августа отбылъ въ Кіевъ.

По пріѣздѣ Государя въ Кіевъ, состоялись торжественная встрѣча, маневры, освященіе памятника Императору Александру II, смотръ и приемы земскихъ представителей Края, получившаго земство. 1-го сентября въ 9 часовъ вечера начался въ городскомъ театрѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, парадный спектакль. Въ 11½ часовъ, въ антрактѣ, послѣ второго акта, П. А., сидѣвшій въ первомъ ряду близъ Государевой ложи, поднялся съ мѣста и сталъ спиной къ сценѣ, разговаривая съ подходившими къ нему лицами. Вдругъ раздались въ залѣ одинъ за другимъ два выстрѣла... Раненый двумя пулями Столыпинъ сохранилъ присутствіе духа. Онъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ себя и царскую ложу, въ которой стоялъ Государь, послѣ

чего, мертвенно блѣдный, сталъ падать. Послѣ кон-силіума въ больницѣ доктора Маковского, куда былъ перенесенъ Петръ Аркадьевичъ, у всѣхъ явилась надежда, что спасеніе его возможно. Отъ мгновенной смерти спасъ крестъ Св. Владимира, въ который попала пуля, и, раздробивъ который, измѣнила прямое направленіе въ сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная кѣтка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. Другою пулей насквозь пронизана кисть лѣвой руки. 4-го сентября, произошло рѣзкое ухудшеніе въ состояніи здоровья, а 5-го сентября, въ 10 ч. 12 минутъ вечера, Столыпина не стало...

Когда то онъ сказалъ: "Каждое утро, когда я просыпаюсь, и творю молитву, я смотрю на предстоящій день, какъ на послѣдній въ жизни, и готовлюсь выполнить всѣ свои обязанности, уже устремляя взоръ въ вѣчность. А вечеромъ, когда я опять возвращаюсь въ свою комнату, то говорю себѣ, что долженъ благодарить Бога за лишній дарованный мнѣ въ жизни день. Это единственное слѣдствіе моего постояннаго сознанія близости смерти, какъ расплата за свои убѣжденія. И порой я ясно чувствую, что долженъ наступить день, когда замыселъ убійцы, наконецъ, удастся".

Смерть дѣйствительно прервала на полномъ ходу дѣятельность Столыпина. Унесла его въ могилу, не давъ закончить предпринятый имъ гигантскій трудъ, задачу, въ которую вѣрилъ онъ всю жизнь.

Медаль, выбитая по случаю открытія памятника Столыпину въ Кіевѣ въ 1912 году.

Имъ было сказано когда то: "Итакъ, на очереди главная наша задача — укрѣпить низы. Въ нихъ вся сила страны. Ихъ болѣе 100 миллионовъ! Будутъ здоровы и крѣпки корни у государства, повърятъ — и слова Русскаго Правительства совсѣмъ иначе зазвучать передъ Европой и передъ цѣлымъ міромъ... Дружная, общая, основанная на взаимномъ довѣрїи работа — вотъ девизъ для насъ всѣхъ, Русскихъ!"

Дайте Государству 20 лѣтъ покоя, внутренняго и виѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россїи".

Промысль Божїй опредѣлили иначе и не даль сбыться этимъ словамъ. Но мнится, что послѣ налетѣвшаго теперь на нашу Родину историческаго шквала, дѣятельность Петра Аркадьевича Столыпина явится соединительнымъ звеномъ между старой и возрожденной Россїей. Дѣла его глубоко запечатлѣлись въ сердцахъ русскихъ людей. Возвращеніемъ къ его начинанїямъ, къ его завѣтамъ, воздвигнетъ новая Россїя безсмертный памятникъ лучшему изъ ея сыновъ, взамѣнъ рукотворнаго, воздвигнутаго когда-то. Помыслъ бо послѣднемъ выразила наша Родина устами Императора Николая II-го, начертавшаго на журналѣ Совѣта Министровъ: "Преклонимся же предъ этой рѣдкой, удивительной, геройской кончиной Петра Аркадьевича Столыпина и принесемъ свою посильную лепту на дѣло любви и почитанїя его свѣтлой памяти, на сооруженїе памятника — достойнѣйшему"

А. С.

